

НАДЗОР И НАКАЗАНИЯ ГУБЕРНАТОРОВ (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА)**А.Н. БИКТАШЕВА***Казанский государственный университет**E-mail: biktashi@mail.ru*

В статье анализируются законодательные акты первой половины XIX века с целью изучению правового механизма наказания должностных лиц. Вскрывается зависимость увольнений гражданских губернаторов от результатов деятельности институтов надзора.

Ключевые слова: политика, Российская империя, Казанская губерния, губернатор, дворянское собрание, сенаторская ревизия.

Наблюдаемый в последние годы беспрецедентный всплеск интереса к институциональной истории Российской империи, на мой взгляд, объясняется осознанием роли взаимоотношений центра и периферии в системе государственного управления. Вместе с тем, механизмы имперской власти: кадровая политика, опыт назначений и увольнений высшей бюрократии остаются проблемами малоизученными. В данной статье предпринимается попытка освещения практики вынесения должностных наказаний начальникам губерний.

Правовой механизм наказания губернаторов в российском законодательстве не был проработан законодателями в деталях. В «Наказе губернаторам» от 3 июня 1837 года¹ был систематизирован накопленный опыт губернаторских отставок, изъятый из текстов предыдущих нормативных актов, оговаривался повод привлечения губернаторов к ответственности, перечислялись виды наказаний. Статья 324 состояла из перечня 15-ти случаев, когда «гражданские губернаторы подвергались ответственности пред высшим правительством». Основными являлись: «неисполнение и неточное исполнение Высочайших повелений, указов Правительствующего Сената, министерств...», по ревизии сенаторов..., за причастие к лихоимству, «превышение и бездействие власти», «злоупотребление вверенной им власти», допущение «важных беспорядков», «произвольное вмешательство» в следственные дела и т.д. В статье 325 перечислялись виды наказаний, которым подвергались губернаторы – «замечаниям, выговорам или иным изысканиям, или же суду и удалению от должностей, не иначе, как по ясному доказательству вины, и по Высочайшим повелениям, исходящим непосредственно от Государя императора, или вследствие представлений по установленному порядку, от Правительствующего Сената, Министерств, главных в губерниях начальств, сенаторов, ревизовавших губернию и других уполномоченных сею от высшего правительства лиц». Исследовавший этот вопрос И.А.Блинов к «иным изысканиям» относит денежные штрафы, секвестр на имущество и «опубликование», т.е. предание суду общественного мнения². Рассмотренное для нужд исследования как единый нарратив законодательство по изучаемому вопросу формировалось как прецедентное право. «Наказ» описывал лишь основы механизма отрешения губернаторов от власти, отсылая к процессуальным нормативным актам уголовного и административного содержания. Вместе с тем в «Наказе» очерчен круг физических и юридических лиц, решающих судьбы провинившихся губернаторов – это Сенат, Комитет министров, генерал-губернаторы, сенаторы-ревизоры, личные порученцы императора. Полагаю, что за формулировкой «уполномоченные от высшего правительства» подразумевались жандармские офицеры, негласный надзор которых законодателем не афишировался. Как правило, расследование административных преступлений по должности завершалось либо уголовной, либо дисциплинарной ответственностью.

В законодательстве нет строгого разграничения между дисциплинарною провинностью и преступным деянием губернаторов. С 1816 года инициатива выговора, замечания или штрафных санкций стала исходить «единственно от лиц министров и за их подписанием, извещая каждый раз о сем Комитет министров для сведения. А министру юстиции доводить равным образом до сведения Комитета, когда подобные замечания или

¹ ПСЗ – 2. № 10303.

² Блинов И.А. Губернаторы: Историко-юридический очерк. СПб., 1904. С.243.



выговоры будут деланы от Правительствующего Сената»³. То есть право наложения дисциплинарных наказаний на губернаторов от Сената перешло к Комитету министров – к непосредственному начальству. В действие этот механизм приводился «Высочайшим соизволением».

При Николае I власть Сената по «опубликованию» губернаторов продолжала сужаться. В 1827 году по поводу выговора саратовскому гражданскому губернатору Голицыну⁴ император отреагировал резолюцией – «впредь Сенату никаких выговоров губернаторам не объявлять, иначе, как представляя на мое разрешение». В 1831 году появился именной указ, устанавливающий порядок выговоров и опубликования губернских мест, по которому Сенату дозволялось только ставить на вид и делать замечания, без внесения в формулярный список⁵. Упомянутыми указами верховная власть добивалась правового управления губернией, подчинения структур губернаторской власти министерствам и постепенно изымала исполнительную власть из ведомства Сената.

Самостоятельное место должностным преступлениям впервые было отведено в XV томе Свода законов (1832г.) в разделе «о преступлениях чиновников по службе». Объем V раздела включал 60 статей (256–316 ст.). Судя по их содержанию, в этом законодательстве не проводилось различия между должностными преступлениями и дисциплинарными провинностями, но оговаривалось, что в одних случаях «смотря по упущению» взыскания определяются «без производства уголовного суда», в других «смотря по роду преступления и степени вины» назначаются наказания уголовные. Без производства уголовного суда могли быть назначены следующие взыскания: замечание, выговор, опубликование, временный арест, временное устранение от должности или удаление от нее, денежный штраф. Эти дисциплинарные взыскания, в отличие от судебных, налагались по усмотрению вышестоящего начальства, а наказания за уголовные деяния назначались решением суда. Наказывали чиновников лишением чинов, прав состояния, ссылкой на поселение, ссылкой на каторжные работы. Судебная ответственность «за преступления по должности» могла быть уголовною или гражданскою. Под уголовною подразумевалось злоупотребление властью или полномочиями, под гражданской – обязанность возместить из своих средств ущерб, нанесенный упущениями по службе⁶. Отрешение от должности могло состояться только по суду и только по постановлениям первого департамента Сената. Появление в 1845 году в законотворческой практике Николая I «Уложения о наказаниях» – свидетельство правового поступательного усиления борьбы с должностными преступлениями.

Толкование юридических понятий «превышение власти», «бездействие власти», «злоупотребление властью», применяемых законодателем при увольнениях губернаторов, содержится в специальных работах дореволюционных историков права⁷. В исследовании профессора В.В. Есипова приведено наиболее полное, обобщенное определение терминов «превышение власти» и «бездействие власти». Обратимся к пояснениям этих объектов административной юстиции: «превышение власти есть всякое действие должностного лица в нарушение закона или вне пределов власти, наносящее вред государству, обществу, вверенной части или отдельному лицу и совершенное без умысла учинить какое-либо иное преступление при помощи власти как средства преступления. Бездействие власти есть всякое неупотребление должностным лицом средств предотвращения или преследования злоупотребления или беспорядка, наносящее вред государству, обществу, вверенной части или отдельному лицу и имевшее место без умысла учинить или попустить какое-либо иное преступление при помощи власти, как средства преступления»⁸. По его мнению, самоуправство как превышение, так и бездействие власти не являются способами совершения злоупотреблений. Сравнивая отличия и сходные признаки «превышения и бездействия власти» в текущем законодательстве и на примерах уложений европейских стран, Есипов приходит к выводу, что оба эти понятия широко применяются для

³ ПСЗ – 1. № 26493.

⁴ ПСЗ – 2. № 1656.

⁵ Там же. № 4698.

⁶ Елистратов А.И. Основные начала административного права. М., 1914. С.324–325.

⁷ См.: Есипов В.В. Превышение и бездействие власти по русскому праву. М., 1904; Покровский С.П. Превышение власти во французском административном праве и его отличие от злоупотребления властью. Ярославль, 1914.

⁸ Указ. соч. С. 13.

обозначения всех должностных понятий вообще, за исключением «мздоимства и лихоимства». Вот отчего именно эти понятия наиболее часто фигурируют в судопроизводстве по служебным преступлениям.

Когда же «превышение власти может стать предметом уголовного судопроизводства? То есть выйти за пределы административной юстиции? В случае, когда преступление по должности является «злоупотреблением власти», т.е. при наличии злого умысла со стороны администратора (губернатора). Когда чиновник осознанно выходит за пределы власти очерченных ему законом. При злоупотреблениях власти происходит подмена государственных интересов личной корыстью. В таких случаях, действуя вне закона, но в рамках установленного правового статуса, губернатор теряет характер представительства от верховной власти и становится лицом, злоупотребляющим своими полномочиями. Следовательно, строгость наказания напрямую зависела от наличия или отсутствия «злого умысла» в поступках должностных лиц. Стоит согласиться с исследователями должностных преступлений, что грань эта тонка и часто иллюзорна, да и само несовершенство указного законодательства первой четверти XIX века, под которое подпадает большее число отставок губернаторов, свидетельствует о слабой разработанности русского административного права.

И все же закон – не есть практика административной жизни, а скорее, проект желаемого устройства. Он обращен к реальным людям, расположившимся на должностной лестнице, которым свойственно ошибаться, проявлять своекорыстие, не лишены слабостей и недостатков. Сила закона одним только фактом своего существования не может исключить возможности совершать неправомерные поступки. Гарантией законности служит само устройство правящей власти, степень развитости институциональных отношений. Применительно к институту губернаторства средством к обеспечению их «пределов власти» выступал административный надзор. Этот контроль осуществлялся в формах отчетности, ревизий, постоянного гласного и негласного надзора.

С момента своего учреждения Сенат являлся высшим административным органом, осуществлявшим надзор над местным управлением. В Своде учреждения Сената за 1832 год в статье 278 к функциям первого (административного) департамента относилось: увольнение и определение должностных лиц, отрешение их от должности, «общий надзор за действиями разных мест управления и происходящие от сего меры взыскания, поощрения и поощрения, разрешение между сими местами споров и пререканий о власти». По мнению С.А. Корфа, именно это «незаметно и бессознательно для самого законодателя» породило зачатки административной юстиции в России, особо проявило себя в Александровское царствование⁹. Под административной юстицией в правовой практике XIX века понималось судебное обжалование актов управления. «Административная юстиция предоставляла для граждан публично-правовую гарантию как способ обжалования актов управления. По этому признаку она отличалась от различных форм административного контроля за законностью управления. Орган юрисдикции устранял незаконность не по собственному почину, а по требованию стороны. При правильной постановке административной юстиции обыватель приобретал право на административный иск¹⁰. Впрочем, в полной мере такая практика так и не сложилась в самодержавном устройстве России. Речь может идти лишь об элементах административной юстиции, входящих в компетенцию первого департамента Сената и реализовывавшихся посредством подачи «жалоб частных лиц». Практика обжалования действий администрации через рекетмейстеров Сената была известна уже в XVIII столетии. В 1810 году в составе Госсовета учреждается особая Комиссия для приема и рассмотрения прошений, проносимых на высочайшее имя¹¹. Среди подведомственных ей дел первыми значились жалобы на администрацию и суды. С 1812 года начал действовать еще один канал подачи «всеподданнейших прошений» – Собственная Его Императорского Величества Канцелярия. После передачи дела соответствующему министру, наведения справок, прохождения процедуры проверки, а иногда с обсуждением в Комитете министров, император назначал сенаторскую ревизию по фактам проверки и расследования поступившей жалобы. Инспекции Сената в течение всего XIX века были основным средством контроля над провинциальной администрацией. Это можно проиллюстрировать статистическими данными, взятыми в

⁹ Корф С.А. Административная юстиция в России. СПб., 1910. Т.1. С.271.

¹⁰ Елистратов А.И. Указ. соч. С. 302.

¹¹ ПСЗ – 1. № 24064. Ст. 88-113.



целом по стране. До сих пор не установлено точное количество сенатских ревизий. Приблизительный их подсчет содержится в «Истории Правительствующего сената за двести лет 1711 – 1911 гг.»¹². Из него явствует, что с 1800 по 1915 гг. Сенат провел примерно 120 – 125 ревизий. Хронологически они распределялись неравномерно. На первую половину XIX века приходилось около 90, а во второй половине века их интенсивность резко снизилась. Таким образом, наибольшее их число падает на первую половину XIX века. Однако и здесь они распределились по периодам правления императоров неравномерно: в Александровскую эпоху прошло 52 ревизии; в николаевское правление – 38¹³. Безусловно, этот количественный ряд весьма условен, но общая тенденция вполне очевидна.

Во второй четверти века тактика правительства по использованию сенаторских ревизий несколько изменилась. Основное их число падает на первое пятилетие николаевского царствования. В результате дальнейшей бюрократизации и централизации административной системы управления внутриведомственный или министерский надзор стал вытеснять «надведомственные», «общие» проверки Сената. Значение их сузилось, изменился их характер. Ревизии стали применять целенаправленно по «адресным» вопросам: для уяснения причин голода, неурожая, эпидемий, народных волнений и т.д. Проверяющим сенаторам вменялось «в отношении чиновников, со стороны коих замечены ими будут маловажные упущения по службе, употреблять более меры исправительных взысканий, а за важные упущения без видимых, однако следов злоупотреблений, не придавая суду, увольнять от должностей»¹⁴. Теперь официальным источником информации о состоянии губернской администрации стали служить донесения жандармских офицеров, находящихся в подчинении III отделения С.Е.И.В. Канцелярии. Иными словами, негласный надзор над местной властью стал предпочтительнее сенаторского, гласного. Менялась концепция власти и вместе с тем – методы контроля, пути поддержания порядка и удержания имиджа власти.

Кроме Сената официальный надзор за местными органами власти осуществлял институт губернской прокуратуры. Прокурор и два его помощника (стряпчие) были подчинены министру юстиции, поэтому формально от губернатора не зависели. Губернский прокурор мог отправлять в Сенат соответствующие донесения и протесты. Его внешний надзор распространялся на производство рекрутских наборов, сбор податей и казенных доходов, осуществление правосудия, деятельность дворянских собраний. Прокурору предоставлялась возможность лично присутствовать на заседаниях и при служебных действиях, требовать сведения и дела для просмотра, делать предложения присутственным местам по существу дел, либо давать заключения по юридическим вопросам. Он мог просматривать журналы и подавать протесты на определения и решения. Без прокурорской надписи – «чел» или «читал» – ни одно постановление присутственного места не могло иметь законной силы. Вместе с тем должностной авторитет губернского прокурора был невысок. Класс этой должности (6–8) был ниже не только губернатора и вице-губернатора, но и председателей палат, поэтому и получаемое жалование было втрое меньше, чем у губернатора. Статусная разница придавала уязвимость отношениям прокурора и губернатора. К тому же, эффективность их деятельности тормозило отсутствие Свода законов до 1832 года, а также профессионально подготовленных юристов.

Екатерина Великая в контекст местного реформирования внесла еще одну возможность внутреннего надзора за деятельностью губернаторов. Как известно, в результате ее губернских преобразований управление на местах было возложено как на правительственные, так и на сословные учреждения. Последние были представлены дворянскими собраниями во главе с уездными и губернскими предводителями. Сама идея дворянского предводительства была заимствована из прибалтийских губерний, где главы местных дворянских корпораций изначально выступали наблюдателями законности управления над органами государственной (коронной) власти. Институциональные последствия перенесения этого опыта на русскую почву отмечались в записке Э. Н. Берендтса «о прошлом и настоящем русской администрации». В ней автор высказал ряд интереснейших мыслей, получивших своё подтверждение на материалах Казанской губернии. По мнению Берендтса, пока во главе местного управления стояли наместники, люди выдаю-

¹² См.: История Правительствующего сената. СПб., 1911. Т. II. С. 596–600; Т. IV. Приложение. С. 513–515.

¹³ Там же. С. 503 – 508.

¹⁴ Цит из: История Правительствующего Сената. СПб., 1911. Т.3. С. 627.

щиеся и влиятельные благодаря придворному положению и семейным связям, роль предводителей была незначительна. Но это положение вещей изменилось на рубеже веков. С начала XIX века губернский предводитель дворянства стал назначаться верховной властью из двух кандидатов, избранных дворянством и представленных губернатором через МВД. Постепенно его статус приравнялся губернаторскому, поскольку при назначении ему присваивался чин IV класса. Предводитель возглавлял дворянское общество, председательствовал в депутатских собраниях, был членом всех губернских Комитетов, комиссий и присутствий. Он имел право обращаться в центральные органы власти и непосредственно к императору. Все это придавало его должности реальный вес. В помещичьих губерниях создавался дуализм власти, олицетворенный в губернаторе и губерном предводителе, стоявших друг против друга¹⁵.

С появлением «Полного собрания законов Российской империи» местное управление разграничивалось на «общее образование управления в губерниях», имевшее распространение на 45 губерний и на «особенные» 19 губерний. Стиль управления «внутренними» губерниями отличался от пограничных, сибирских или закавказских. Для прибалтийских губерний вообще имелось особое «Учреждение» для управления. К середине XIX века в 28 губерниях (из 64-х существующих) выборные органы дворянского самоуправления участвовали в управлении наряду с губернатором. Здесь сфера полномочий губернатора пересекалась с пространством власти выборных органов дворянского самоуправления. Поэтому губернаторы вынуждены были править с оглядкой на мнение дворян. Дворянских корпоративных органов не было в 14 губерниях (в Виленской, Гродненской, Минской, Подольской, Волынской, Киевской, Архангельской, Олонецкой, Вятской, Пермской и сибирских губерниях)¹⁶. Здесь председатели уголовных палат, земские исправники, заседатели земских судов не избирались дворянством, а назначались губернатором.

Для рассмотрения казусов власти обратимся к опыту властвования отдельных губернаторов. Как у любого чиновника, карьера начальника губернии завершалась отставкой. Формально находясь в генеральском чине, его служба пределов длительности не имела. Увольнение губернаторов совершалось именем государя по представлению министра внутренних дел. Результатом этого верховного акта могло стать дальнейшее повышение по службе, перевод в другую губернию, отрешение от занимаемой должности без права продолжения службы, отдача под суд. Отставка могла происходить и по собственному желанию по причине состояния здоровья, семейных обстоятельств, преклонности лет. Процедура увольнения выглядела следующим образом: по представлению министра внутренних дел, император именным указом выносил свое решение на утверждение в Сенат, затем появлялся указ «из Правительствующего Сената» на имя господина министра внутренних дел об увольнении главы губернии. Тексты подобных «сенатских» указов декларировали «Высочайшее соизволение», «Всемиловитвейшее повеление» без каких либо личностных акцентов или пояснений. Коллекция делопроизводственных дел, отложившаяся в архиве министерства внутренних дел под общим названием «Об определении и увольнении губернаторов»¹⁷, содержит более полную информацию персонального характера. Эти документы позволяют расширить наши представления о реальных причинах увольнения отдельных губернаторов, судить о практикуемых способах отставки.

К примеру, увольнение вятского гражданского губернатора Павла Степановича Рунича в 1804 году произошло по его собственному прошению. «Обремененный многочисленным семейством и по причине старости, а главное, бедственного положения по причине долгов», он обратился к министру внутренних дел с просьбой уволить его с занимаемой губернаторской должности. В документе указана и более прозаическая причина желаемой отставки: «не имея никакого имения, ни доходов, кроме жалования...не могу содержать себя с моим семейством в звании губернаторском, не входя время от времени в большие и большие долги...в таком расстроенном состоянии я никак не в силах нести тягостей, с губернаторским званием сопряженных»¹⁸.

¹⁵ Берендтс Э. Н. О прошлом и настоящем русской администрации (Записка, составленная в декабре 1903 года). М., 2002. С. 24.

¹⁶ Матханова Н.П. Полномочия губернатора в середине XIX в. региональная специфика // Региональные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории. Новосибирск, 1998. С. 53-54.

¹⁷ РГИА. Ф. 1286. Оп.1. Дд. 13, 87, 117, 178, .236, д. 256.

¹⁸ РГИА. Ф. 1286. Оп.1. Д. 256. Л.54-55.



В подобных обращениях часто обыгрывался срок выслуги. Рунич, напоминая о 43-летней службе, просил увольнения с переводом в Петербург на любую должность, соответствующую его чину. Зная о просветительских идеалах императора, он оговаривал и то, что намерен дать своим детям хорошее образование, а в вятской глуши у него такой возможности нет. Семейные обстоятельства обыгрывались и в деле таврического гражданского губернатора Г.П. Милорадовича, имевшего 5-х мальчиков и 4-х девочек в семье¹⁹. По болезням «не в силах продолжать службу петербургского гражданского губернатора» просил об отставке 38-летний Сергей Сергеевич Кушников²⁰. С мольбой обращался к императору и Владимир Юрьевич Соймонов: «Всемилолюбивый государь! Снова возобновились болезненные припадки, доводившие уже меня в Казани до дверей гроба. Между тем возросли и долги мои по случаю двухлетней отлучки из Москвы...Умоляю о увольнении меня на год от всех обязанностей по службе»²¹. По-иному оборвалась карьера волынского гражданского губернатора Гавриила Степановича Решетова. В рапорте на имя императора генерал-губернатор Эссен сообщил, что его подчиненный «слабо исполняет возложенную на него обязанность» и не проявляет должного уважения к генерал-губернатору²². Разрешая сложившуюся межличностную ситуацию, Александр I уволил Решетова, сохранив размер его жалования «в пенсион по смерти». Смещение губернаторов по их собственному прошению, «по домашним обстоятельствам», по состоянию здоровья часто являлось делопроизводственной формальностью, за которой скрывалась реальная причина. Казанская губерния особо отличалась богатством подобных сюжетов.

Локализация темы в рамках одной губернии позволяет соотнести декларируемую политику с региональными управленческими практиками, демонстрирует разнообразие легитимных способов вмешательства во властные полномочия губернаторов, позволяет вскрыть конфликты, выходящие за пределы институциональных отношений. Так, в первой половине XIX века в Казани сменилось 16 губернаторов²³. Аплечеев, Мансуров, Розен, Жеванов ушли по причине смерти, Жмакин был смещен переводом в Симбирскую губернию, Пирх уволен по болезни. Из оставшихся 10-ти шестеро губернаторствовали в первую четверть века, трое – во второй. В отмене крепостного права участвовал Петр Федорович Козлянинов. Все казанские губернаторы Александровской эпохи были уволены в судебном порядке, гласным решением первого департамента Сената – это Пуцин, Муханов, Кацарев, Гурьев, Толстой. Нилов ушел в отставку по решению Комитета министров. Военные губернаторы николаевского времени – Стрелкалов, Шипов, Баратынский – увольнялись в связи с повышением по службе с дальнейшим пребыванием в Сенате. Тенденция сменяемости казанских губернаторов первой половины XIX века в целом соответствовала общероссийскому фону²⁴.

Об этом свидетельствует хроника событий, происходящих в Казани в первой четверти XIX века. В 1801 году на имя императора поступил донос на казанскую полицию, где с целью получения признаний применялись жестокие пытки. Для выявления обстоятельств дела был отправлен на место царский порученец флигель-адъютант, подполковник барон П.И. Альбедиль. По результатам расследования, военный и гражданский губернаторы П.П. Пуцин и А.И. Муханов были отрешены от должностей «за превышение власти». В 1803 году по результатам ревизии сенатора И.Б. Пестеля, был уволен и осужден «за допущенные беспорядки и злоупотребления» казанский губернатор Н.И. Кацарев. Следующие десять лет в период губернаторства Б.А. Мансурова в губернской администрации кадровых потрясений не происходило, но после его смерти в 1814 году сразу один за другим сменились три правителя – Ф.П. Гурьев, И.А. Толстой и П.А. Нилов. Эти отставки были спровоцированы конфликтом с губернским предводителем дворянства. Увольнения

¹⁹ Там же. Л.79-80.

²⁰ Там же. Д.117. Л.75.

²¹ ОПИ ГИМ. Ф. 395. Ед.хр. 123. Л.112.

²² РГИА. Ф. 1286. Оп.1. Д. 117. Л.59.

²³ См.: Губернии Российской империи. История и руководители. 1708 – 1917. М, 2003. С.120-121.

²⁴ Киселев И.Н., Мироненко С.В. О чем рассказали формулярные списки // Число и мысль. М., 1986. Вып.9. С.6-31; Морякова О.В. Провинциальное чиновничество в России второй четверти XIX века: социальный портрет, быт и нравы // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 1993 № 6; Шумилов М.М. Местное управление и центральная власть в России в 50-х – начале 80- гг. XIX в. М., 1991.



губернаторов добивалась посредством жалоб, доносов, обвинений во взятках организация сенаторской ревизии²⁵.

Статистика сменяемости начальников Казанской губернии первой четверти XIX века подводит к пониманию необходимости изучения механизмов правительственной кадровой политики, а также служебных проблем высшей бюрократии. Именно в то время отставка посредством гласного судебного решения имела самое широкое применение в практике административных наказаний российских губернаторов.

INSPECTORATE AND PUNISHMENTS OF THE GOVERNORS (THE FIRST HALF OF NINETEENTH CENTURY)

A.N. BIKTASHEVA

Kazan State University

E-mail: biktashi@mail.ru

In the article the author has been examining the laws and governmental documents concerning the sphere of governor's power in Russian Empire of the first half of XIXth century. She has revealed the correspondence between mechanism of punishment for imperial services and results of senators' inspections.

Key words: policy, Russian Empire, Kazan province, governor, nobility assembly, Senate inspections.

²⁵ См.: Бикташева А.Н, Гизатуллин М.Х, Ильина К.А. Неформальные практики властвования в Казанской губернии (первая половина XIX века). Казань, 2006. С.7-56.